

Российский государственный гуманитарный университет
Центр научного проектирования Управления по научной работе

РЕЦЕНЗИЯ

на научный доклад очного аспиранта Института славяноведения РАН,
обучающегося по направлению подготовки 46.06.01 Исторические науки и
археология, специализации 07.00.03 «Всеобщая история соответствующего
периода (Средние века и раннее Новое время)»
об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы
(диссертации)

КОНОПЛЯНКО Константина Сергеевича

по теме

**«ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ТЕЧЕНИЙ РЕФОРМАЦИИ
В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ
В 1550-Е – 1560-Е ГГ. ИХ КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ»**

Научный доклад К.С. Коноплянко свидетельствует об интересном и перспективном замысле, в котором целое вырисовывается как проект, видны отдельные элементы готовой научной конструкции, представлены основные достижения и более пунктирно – связывающие их основные методы, ключевые понятия, промежуточные выводы. На данном этапе важно было бы задуматься, насколько связным и убедительным является представленный на рецензию текст в форме научного доклада, и было бы важно его оценить как краткое изложение, возможно, уже отчасти осуществленного более полного исследования, но вместе с тем – и как самостоятельное высказывание, свидетельствующее об академизме автора, степени зрелости работы и ее готовности к дискуссии в исследовательском сообществе.

С первых же строк реферата говорится о протестантизме как особой религии или особом вероучении. Однако важно *ab ovo* определить, о чем идет речь. Никакого «протестантизма» как *религиозной системы* нет и не может быть. Однако и такое *вероучение*, как протестантизм, отсутствует или нуждается в особом пояснении, поскольку говорить о реформационных учениях приходится в связи с неодномоментными и неоднозначными выступлениями мыслителей-протестантов, которые сильно расходились по своим взглядам и по влиянию на верующих. В связи с этим непонятно, что именно

изучает К.С. Коноплянко, какие учения относит к протестантизму, а какие выносит за его рамки. Это же заставляет относиться с настороженностью к выводам диссертационного исследования: они приведены без апелляции к научной литературе ряда уже хорошо и многогранно изученных в литературе вопросов, и остается неясным, что именно – научный задел самого автора диссертации и что именно в выводах отвечает приведенному в начале реферата предмету исследования.

Можно надеяться, что работа будет важным словом в изучении реформационных течений в Короне Польской и Великом княжестве Литовском. Однако – чтобы работа состоялась, предмет должен быть максимально точно сформулирован, иначе работа разрастется и не будет раскрывать свой основной предмет или не будет сфокусирована вообще ни на чем постигаемом. Пока предмет сформулирован крайне неудачно: «Предметом диссертации, соответственно, являются взгляды этой части польского и литовского общества, на основе которых формируются конфессиональные, социальные и политические различия принципов вероучения, обрядности, организационного уклада и политических предпочтений внутри того или иного течения» (с. 3).

Неизбежны вопросы, ответы на которые для меня как читателя только лишь предоставленного мне на рассмотрение реферата, а не полной версии диссертационной работы, весьма затруднительны. Какие и чьи именно взгляды? Как у «польского и литовского общества» могут быть выявлены эти взгляды? И что это за общество, учитывая, что реформационные течения принято в наши дни рассматривать обособленно, хотя и во взаимовлиянии, в Короне и в Литве? Причем региональные особенности реформационных учений могут потребовать и более детальной локализации, не отражающей никаких единых тенденций ни для Короны Польской, ни для Великого княжества Литовского, а предполагающей более обширную, общеевропейскую исследовательскую оптику. Невозможно себе помыслить предмет исследования, когда он выражен при помощи такой конструкции, как (эти непонятно чьи) «взгляды..., на основе которых формируются различия принципов...». Что же будет предметом – «взгляды» или «различия принципов»?

В связи с этими вопросами возникают и дальнейшие сомнения. В частности – что автор справится со своими источниками, которые названы всеохватно и неопределенно, например: «Также следует принимать во внимание некоторые сочинения Лютера, Меланхтона, Цвингли, Кальвина, Буцера, Буллингера и пр.» (с. 7). Ясно, что в работе, посвященной реформационным учениям, невозможно обойти последователей названных мыслителей. Но если уж они будут «приняты во внимание», то в каком объеме и с какой целью в данной работе? Возможно, имело бы смысл сконцентрироваться на тех задачах, которые неожиданно выступают в разделе «Источники», когда речь заходит о

достоверности и релевантности использованных источников. Если предполагается атрибутировать тексты и основанные на них взгляды, то было бы логично выделить именно те тексты и тех авторов, о которых пойдет при этом речь, а возможно, и указать данные тексты и их авторов в подзаголовке диссертации, чтобы сузить проблематику и сделать ее более обозримой.

Раздел, посвященный историографии реформационных учений в современной мировой историографии, написан крайне скупо по непонятным причинам. Объем исследований в этой области поистине гигантский, и имело бы смысл либо остановиться на основных течениях, обосновав свою версию научных направлений, либо учесть гораздо более широкий круг авторов. Среди них – Антонио Ротондо (книга 1968 г.), Виллем Балке (1981 г.), Вальтер Классен (сборник статей об анабаптизме 1992 г.), Карин Мааг (сб. ст. о влиянии на европейские страны идей Меланхтона, 1999 г.), Перец Загорин (и важная для тематики диссертации дискуссия о возникновении анабаптизма вокруг его книги 2003 г.), Мажена Ледке, Томаш Кемпа, Светлана Морозова, Наталья Яковенко, Валерий Зема, Михайло Довбыщенко... Особенно удивляет, что в стороне от дискуссии остались авторы из Украины, Беларуси, Литвы (и едва ли не любых других стран), как если бы подобной проблематикой больше нигде кроме России, Польши и Германии не интересовались. Конечно, было бы большим заблуждением так думать. Кроме того, в реферате, к сожалению, не охарактеризованы работы диссертационного формата, прямо относящиеся к теме или тесно соприкасающиеся с ее отдельными вопросами. Например, книга Гюнтера Шульца о старце Артемии (1980 г.), книга Штефана Фляйшмана о Шимоне Будном (2006 г.). О Петре из Гоньондза существует обширная литература, которую характеризовали недавно, например, американский историк Рудра Вильюс Дундзила (2011 г.) и литовская исследовательница Дейнора Почюте-Абукевичене (2001, 2006, 2011 гг.).

К сожалению, аргумент от недоступности части работ в российских собраниях созвучен современным тенденциям в нашей науке в целом, и он крайне неловок и неубедителен, поскольку не снимает проблемы, а подчеркивает разве что невозможность заниматься ее решением в нашей стране по причинам, которые сами могли бы стать предметом исследования, но вряд ли в предложенной диссертации. Ср.: «Вероятно, что этот пробел восполнили недавние польские публикации, недоступные нам по причине их отсутствия в библиотеках Российской Федерации» (с. 6).

Необходимо также следить за стилистикой. Например, следовало бы поправить конструкцию фразы, содержащей список фамилий историков, занимавшихся историей реформационных учений в XIX в. (с. 4). Ниже неудачно: «польского-литовского анабаптизма» (с. 6-7). Неудачно говорит автор о значении своей работы: «В этом смысле

тематика диссертации *хорошо вписывается в гораздо более общую и значимую проблему – взаимодействия культурных областей Slavia Orthodoxa и Slavia Latina»* (с. 11 – выд. мной. – К.Е.). Это все же задача будущих оценок судить, хорошо ли тематика вписывается в эту проблему, пока важно было бы сформулировать тезисы и проблемные поля проведенного исследования.

Таким образом, работа отвечает требованиям, предъявляемым к НКР, выносимым на защиту в рамках Государственной итоговой аттестации, и заслуживает положительной оценки с настоятельной рекомендацией внести уточнения в определение предмета и ряда ключевых понятий, а также в зависящие от них тезисы и положения.

Главный научный сотрудник Центра научного проектирования
Управления по научной работе
Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук

 К.Ю. Ерусалимский

14.10.2021

подпись Ерусалимского К.Ю.

М.П.

Начальник Управления кадров

Толстова Н.Н.